

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П49

Дизайн серии *Александра Воробьева*
Фото на переплет предоставлено РИА Новости

Книга подготовлена при участии
Людмилы Мильковой и Владимира Аболинса

Вступительное слово *Николая Земцова*

Полевой, Борис Николаевич

П49 Повесть о настоящем человеке : повесть / Борис Полевой. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 384 с. – (Бессмертный полк. 75 лет Победы).

ISBN 978-5-17-119498-7

Писатель-фронтовик Борис Полевой всего за девятнадцать дней создал произведение, которое уже свыше семидесяти лет читают люди всей планеты. Подвиг летчика Алексея Маресьева, сражавшегося во время Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками и потерявшего обе ноги, но выжившего и снова вернувшегося к штурвалу самолета, вызывает в сердцах миллионов гордость и заставляет поверить в безграничные силы человеческого духа. Маресьев, ставший прототипом героя «Повести...» Б. Полевого, проявил необыкновенную силу воли, удивительное мужество, стойкость характера и огромное желание жить и продолжать подниматься в небо, чтобы и дальше служить своей Родине. Но он был не один такой, о чем красноречиво свидетельствуют вошедшие в книгу документальные семейные истории из архива движения «Бессмертный полк России».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119498-7

© Полевой Б.Н. (наследники), 2018

© РИА Новости

© ООД «Бессмертный полк России», 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Обращение к читателю

«Повесть о настоящем человеке» написал Борис Полевой, военный корреспондент газеты «Правда», который с первых до последних дней Великой Отечественной войны был на передовой. Полевой — автор множества фронтовых очерков и статей, но «Повесть о настоящем человеке» занимает в его творчестве особое место.

Похожая на песню в прозе история молодого летчика Маресьева творила и творит настоящие чудеса, поднимая дух читателя, давая силы жить и преодолевать, казалось бы, невозможное. Она стала признанным историческим свидетельством духовной силы нашего народа. Этот дух народа, сплотившегося ради спасения Отечества, истории и поныне ставят на первое место среди причин, по которым хорошо отлаженной военной машине нацизма не удалось сломить нашу страну.

Борис Полевой написал «Повесть о настоящем человеке» в 1946 году. В основу легла судьба реального летчика — Героя Советского Союза Алексея Маресьева. И в каждой строчке, вышедшей из-под пера писателя-фронтовика, звучит чистый русский язык. Слышится его колокольное, а где и набатное, многозвучие. Звук родной речи можно сравнить с рекой, что течет от святого родника, перекачивается на валунах, рокочет между скалами и пробивает себе русло, неся живительную влагу лесам и нивам. Так и литература питает человеческую культуру, ее честные чистые произведения наполняют народную память, а народная память дает силу новым поколениям.

Книге Бориса Полевого веришь. Она написана фронтовиком и прочитана миллионами свидетелей тех

лет, тех боев — бойцами и подпольщиками, медсестрами санбатов, сиротами войны, тружениками тыла. Прочитана женами и невестами, дождавшимися и не дождавшимися, а еще теми из них, что десятилетия после войны стояли на полустанке, ожидая, что не из следующего поезда, так из того, что за ним, выйдет долгожданный их человек. Это самая строгая цензура, способная схватиться за малейшую зацепку, осмеять, разменять на шутки, отвернуться.

Событий в этой книге хватило бы для голливудского блокбастера: море крови, сцены боя, где мертвец душит мертвеца... Но на этом фоне — образ настоящего человека, молодого летчика, дважды совершившего подвиг преодоления. Он выжил, ползком пробираясь к своим, раненый, один в зимнем лесу. Уже в госпитале оказалось, что восемнадцать дней по тылам противника — не самое тяжелое испытание. Потеряв обе ноги, он не раз падал духом, жалел о трех патронах, которые в самом начале испытания могли прервать его жизнь. Как победить ощущение ненужности, отлучение от неба, дела всей жизни? Да и нужен ли такой «беспольный обрубок» любимой?.. В госпитале продолжилась незримая битва с фашизмом — битва за возрождение искалеченной души. В ней участвовали и врачи, и медсестры, и умирающий Комиссар, который, помогая Алексею, сумел последний раз послужить Родине... Это очень важно — ощущать, что ты не один и, случись что, не будешь брошен...

Человек, с которого Полевой написал повесть, вновь стал и пилотом, и мужем любимой, и отцом сыну. И он не один такой — сильный духом настоящий человек. Об этом красноречиво свидетельствуют размещенные в книге документальные семейные истории из архива движения «Бессмертный полк России».

Сопредседатель Общероссийского
общественного движения «Бессмертный полк России»

Николай Земцов

Борис Полевой

*Повесть
о настоящем
человеке*

Часть первая

1

Звезды еще сверкали остро и холодно, но небо на востоке уже стало светлеть. Деревья понемногу выступали из тьмы. Вдруг по вершинам их прошелся сильный свежий ветер. Лес сразу ожил, зашумел полнозвучно и звонко. Свистящим шепотом перекликнулись между собой столетние сосны, и сухой иней с мягким шелестом полился с потревоженных ветвей.

Ветер стих внезапно, как и налетел. Деревья снова застыли в холодном оцепенении. Сразу стали слышны все предутренние лесные звуки: жадная грызня волков на соседней поляне, осторожное тьявканье лисиц и первые, еще неуверенные удары проснувшегося дятла, раздававшиеся в тишине леса так музыкально, будто долбил он не древесный ствол, а полое тело скрипки.

Снова порывисто шумнул ветер в тяжелой хвое сосновых вершин. Последние звезды тихо погасли в посветлевшем небе. Само небо уплотнилось и сузилось.

Лес, окончательно стряхнувший с себя остатки ночного мрака, вставал во всем своем зеленом величии. По тому, как, побагровев, засветились курчавые головы сосен и острые шпильки елей, угадывалось, что поднялось солнце и что занявшийся день обещает быть ясным, морозным, ядреным.

Стало совсем светло. Волки ушли в лесные чащобы переваривать ночную добычу, убралась с поляны лисица, оставив на снегу кружевной, хитро запутанный след. Старый лес зашумел ровно, неумолчно. Только птичья возня, стук дятла, веселое цвиканье стрелявших меж ветвей желтеньких синиц да жадный сухой крик соек разнообразили этот тягучий, тревожный и грустный, мягкими волнами перекаत्याющийся шум.

Сорока, чистившая на ветке ольховника черный острый клюв, вдруг повернула голову набок, прислушалась, присела, готовая сорваться и улететь. Тревожно хрустели сучья. Кто-то большой, сильный шел сквозь лес, не разбирая дороги. Затрещали кусты, заматались вершины маленьких сосенок, заскрипел, оседая, наст. Сорока вскрикнула и, распутив хвост, похожий на оперение стрелы, по прямой полетела прочь.

Из припудренной утренним инеем хвои высунулась длинная бурая морда, увенчанная тяжелыми ветвистыми рогами. Испуганные глаза осмотрели огромную поляну. Розовые замшевые ноздри, извергавшие горячий парок встревоженного дыхания, судорожно задвигались.

Старый лось застыл в сосняке, как изваяние. Лишь клочковатая шкура нервно передергивалась на спине. Настороженные уши ловили каждый звук, и слух его был так остер, что слышал зверь, как короед точит древесину сосны. Но даже и эти чуткие уши не слышали в лесу ничего, кроме птичьей трескотни, стука дятла и ровного звона сосновых вершин.

Слух успокаивал, но обоняние предупреждало об опасности. К свежему аромату талого снега примешива-

лись острые, тяжелые и опасные запахи, чуждые этому дремучему лесу. Черные печальные глаза зверя увидели на ослепительной чешуе наста темные фигуры. Не шевелясь, он весь напряжился, готовый сделать прыжок в чащу. Но люди не двигались. Они лежали в снегу густо, местами друг на друге. Их было очень много, но ни один из них не двинулся и не нарушал девственной тишины. Возле возвышались вросшие в сугробы какие-то чудовища. Они-то и источали острые и тревожащие запахи.

Испуганно кося глазом, стоял на опушке лось, не понимая, что же случилось со всем этим стадом тихих, неподвижных и совсем не опасных с виду людей.

Внимание его привлек звук, послышавшийся сверху. Зверь вздрогнул, кожа на спине его передернулась, задние ноги еще больше поджались.

Однако звук был тоже не страшный: будто несколько майских жуков, басовито гудя, кружили в листве зацветающей березы. И к гуденью их примешивался порой частый, короткий треск, похожий на вечерний скрип дергача на болоте.

А вот и сами эти жуки. Сверкая крыльями, танцуют они в голубом морозном воздухе. Снова и снова скрипнул в вышине дергач. Один из жуков, не складывая крыльев, метнулся вниз. Остальные опять затанцевали в небесной лазури. Зверь распустил напряженные мускулы, вышел на поляну, лизнул наст, кося глазом на небо. И вдруг еще один жук отвалил от танцевавшего в воздухе роя и, оставляя за собой большой, пышный хвост, понесся прямо к поляне. Он рос так быстро, что лось едва успел сделать прыжок в кусты — что-то громадное, более страшное, чем внезапный порыв осенней бури, ударило по вершинам сосен и брякнулось о землю так, что весь лес загудел, застонал. Эхо понеслось над деревьями, опережая лося, рванувшегося во весь дух в чащу.

Увязло в гуще зеленой хвои эхо. Сверкая и искрясь, осыпался иней с древесных вершин, сбитых падением

самолета. Тишина, тягучая и властная, овладела лесом. И в ней отчетливо послышалось, как простонал человек и как тяжело захрустел наст под ногами медведя, которого необычный гул и треск выгнали из леса на полянку.

Медведь был велик, стар и космат. Неопрятная шерсть бурыми клочьями торчала на его впалых боках, сосульками свисала с тощего, поджарого зада. В этих краях с осени бушевала война. Она проникла даже сюда, в заповедную глушь, куда раньше, и то не часто, заходили только лесники да охотники. Грохот близкого боя еще осенью поднял медведя из берлоги, нарушив его зимнюю спячку, и вот теперь, голодный и злой, бродил он по лесу, не зная покоя.

Медведь остановился на опушке, там, где только что стоял лось. Понюхал его свежие, вкусно пахнущие следы, тяжело и жадно задышал, двигая впалыми боками, прислушался. Лось ушел, зато рядом раздавался звук, производимый каким-то живым и, вероятно, слабым существом. Шерсть поднялась на загривке зверя. Он вытянул морду. И снова этот жалобный звук чуть слышно донесся с опушки.

Медленно, осторожно ступая мягкими лапами, под которыми с хрустом проваливался сухой и крепкий наст, зверь направился к неподвижной, вбитой в снег человеческой фигуре...

2

Летчик Алексей Мересьев попал в двойные «клещи». Это было самое скверное, что могло случиться в воздушном бою. Его, расстрелявшего все боеприпасы, фактически безоружного, обступили четыре немецких самолета и, не давая ему ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром...

А получилось все это так. Звено истребителей под командой лейтенанта Мересьева вылетело сопровождать

ИЛы, отправлявшиеся на штурмовку вражеского аэродрома. Смелая вылазка прошла удачно. Штурмовики, эти «летающие танки», как звали их в пехоте, скользя чуть ли не по верхушкам сосен, подкрались прямо к летному полю, на котором рядами стояли большие транспортные «юнкерсы». Неожиданно вынырнув из-за зубцов сизой лесной гряды, они понеслись над тяжелыми тушами «ломовиков», поливая их из пушек и пулеметов свинцом и сталью, забрасывая хвостатыми снарядами. Мересьев, охранявший со своей четверкой воздух над местом атаки, хорошо видел сверху, как заметались по аэродрому темные фигурки людей, как стали грузно расплзаться по накатанному снегу транспортники, как штурмовики делали новые и новые заходы и как пришедшие в себя экипажи «юнкерсов» начали под огнем выруливать на старт и поднимать машины в воздух.

Вот тут-то Алексей и совершил промах. Вместо того чтобы строго стеречь воздух над районом штурмовки, он, как говорят летчики, соблазнился легкой дичью. Бросив машину в пике, он камнем ринулся на только что оторвавшийся от земли тяжелый и медлительный «ломовик», с удовольствием огрел несколькими длинными очередями его четырехугольное пестрое, сделанное из гофрированного дюрала тело. Уверенный в себе, он даже не смотрел, как враг ткнется в землю. На другой стороне аэродрома сорвался в воздух еще один «юнкерс». Алексей погнался за ним. Атаковал — и неудачно. Его огневые трассы скользнули поверх медленно набиравшей высоту машины. Он круто развернулся, атаковал еще раз, снова промазал, опять настиг свою жертву и свалил ее где-то уже в стороне над лесом, яростно всадив в широкое сигарообразное туловище несколько длинных очередей из всего бортового оружия. Уложив «юнкерс» и дав два победных круга у места, где над зеленым всклокоченным морем бесконечного леса поднялся черный столб, Алексей повернул было самолет обратно к немецкому аэродрому.

Но долететь туда уже не пришлось. Он увидел, как три истребителя его звена ведут бой с девятью «мессерами», вызванными, вероятно, командованием немецкого аэродрома для отражения налета штурмовиков. Смело бросаясь на немцев, ровно втрое превосходивших их по числу, летчики стремились отвлечь врага от штурмовиков. Ведя бой, они оттягивали противника все дальше и дальше в сторону, как это делает тетерка, притворяясь подраненной и отвлекая охотников от своих птенцов.

Алексею стало стыдно, что он увлекся легкой добычей, стыдно до того, что он почувствовал, как запылали под шлемом щеки. Он выбрал себе противника и, стиснув зубы, бросился в бой. Целью его был «мессер», несколько отбившийся от других и, очевидно, тоже высмотревший себе добычу. Выжимая всю скорость из своего «ишачка», Алексей бросился на врага с фланга. Он атаковал немца по всем правилам. Серое тело вражеской машины было отчетливо видно в паутином крестике прицела, когда он нажимал гашетку. Но тот спокойно скользнул мимо. Промеха быть не могло. Цель была близка и виднелась на редкость отчетливо. «Боеприпасы!» — догадался Алексей, чувствуя, что спина сразу покрылась холодным потом. Нажал для проверки гашетки и не почувствовал того дрожащего гула, какой всем телом ощущает летчик, пуская в дело оружие своей машины. Зарядные коробки были пусты: гоняясь за «ломовиками», он расстрелял весь боекомплект.

Но враг-то не знал об этом! Алексей решил безоружным втесаться в кутерьму боя, чтобы хоть численно улучшить соотношение сил. Он ошибся. На истребителе, который он так неудачно атаковал, сидел опытный и наблюдательный летчик. Немец заметил, что машина безоружна, и отдал приказ своим коллегам. Четыре «мессершмита», выйдя из боя, обложили Алексея с боков, зажали сверху и снизу и, диктуя ему путь пулевыми трасса-

ми, отчетливо видными в голубом и прозрачном воздухе, взяли его в двойные «клещи».

Несколько дней назад Алексей слышал, что сюда, в район Старой Руссы, перелетела с запада знаменитая немецкая авиадивизия «Рихтгофен». Она была укомплектована лучшими асами фашистской империи и находилась под покровительством самого Геринга. Алексей понял, что попал в когти этих воздушных волков и что они, очевидно, хотят привести его на свой аэродром, заставить сесть, чтобы взять в плен живым. Такие случаи тогда бывали. Алексей сам видел, как однажды звено истребителей под командой его приятеля Героя Советского Союза Андрея Дегтяренко привело и посадило на свой аэродром немца-разведчика.

Длинное зеленовато-бледное лицо пленного немца, его шатающийся шаг мгновенно возникли в памяти Алексея. «Плен? Никогда! Не выйдет этот номер!» — решил он.

Но вывернуться ему не удалось. Немцы преграждали ему путь пулеметными очередями, как только он делал малейшую попытку отклониться от диктуемого ими курса. И опять мелькнуло перед ним лицо пленного летчика с искаженными чертами, с дрожащей челюстью. Был в этом лице какой-то унижительный животный страх.

Мересьев крепко сжал зубы, дал полный газ и, поставив машину вертикально, попытался нырнуть под верхнего немца, прижимавшего его к земле. Ему удалось вырваться из-под конвоя. Но немец успел вовремя нажать гашетку. Мотор сбился с ритма и заработал частыми рывками. Весь самолет задрожал в смертельной лихорадке.

Подшибли! Алексей успел свернуть в белую муть облака, сбить со следа погоню. Но что же дальше? Летчик ощущал дрожь подраненной машины всем своим существом, как будто это была не агония изувеченного мотора, а лихорадка, колотившая его собственное тело.